

Если следовать логике нашего разговора, есть риск, что сейчас представители разных сообществ в России могут скушать друг друга?

— Есть риск, поэтому сейчас власть пытается создать новые скрепы. В публике есть тяга к социальному порядку, именно к порядку, к социальному миру тяги нет. 30 лет назад люди могли негодовать, браниться, рассказывать анекдоты, считать, что живём плохо, но была определённость. Социальный порядок не нравился, но он был. Потом возникла ситуация социального хаоса на личном уровне, когда ты следуешь социальным нормам — на завод ходишь к 8:00, станок включаешь и выключаешь, с мастером водку пьёшь, детали припрятываешь, но это вдруг оказывается никому не нужным: ни твоя квалификация, ни твоя дисциплина, ни разученные тобой навыки эффективного общения, и вообще, зарплату перестают платить, жена встречает сурою критикой.

Символом установившегося социального порядка является российский президент. Я же вижу его в телевизоре, на портрете, значит, всё в норме, я понимаю, что будет завтра. Есть правила и будут вперед.

Возвращаясь к сюжету: мы переживаем опасный момент, когда после длительного подъёма случилась остановка, которая сначала казалась результатом козней злых духов, но потом стало ясно, что духи ушли, а подъём не продолжился, а, напротив, начался спад. Но люди не привыкли жить в спаде, закрадываются сомнения: может, социальный порядок не так уж и хорош. В аналогичных ситуациях в XX веке случались бунты, революции, перемены.

Проводят параллели между сегодняшней ситуацией в России и периодом перед Первой мировой войной.

— Это неправильная параллель. В нашем обществе горизонтальные конфликты между москвичами и немосквичами, между людьми, задирающими нос, потому что болтают по-английски, и людьми, которые говорят только по-русски, между богатыми и бедными, между

людьми разных традиций настолько глубоки, что конфликт общества и власти на этом фоне теряет своё значение. Нет и не будет в обозримом будущем революционной ситуации, когда низы не хотят, а верхи не могут. В этих условиях власть может чувствовать себя в относительной безопасности, но, видимо, не чувствует.

Повторяю, люди власти точно такие же, как люди улицы. Вряд ли они выстраивают сложные управленческие конструкции. Они также, как все остальные, ощущают неясную угрозу социальных

НЕТ И НЕ БУДЕТ В ОБОЗРИМОМ БУДУЩЕМ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ, КОГДА НИЗЫ НЕ ХОТЯТ, А ВЕРХИ НЕ МОГУТ. В ЭТИХ УСЛОВИЯХ ВЛАСТЬ МОЖЕТ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ В ОТНОСИТЕЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, НО, ВИДИМО, НЕ ЧУВСТВУЕТ

потрясений. Им хочется заболтать кризис, и они несут чушь, за которую в иные времена их из власти бы выкинули. Чего стоит заявление какого-то провинциального мэра: не беспокойтесь, скоро весна придёт, крапиву будете есть.

Поскольку власть держится на социальном порядке, значит, каким-то образом его надо ужесточить, обезвредить тех злых духов, которые его подтачивают, и обязательно их назвать. Но имена им придумывают не очень удачные. Что такое пятая колонна? А где четыре остальные? Кто помнит испанскую риторику 1936 года?

Но ведь такая ситуация не может длиться вечно, она должна разрешиться тем или иным способом. В стране уже меняется экономическая ситуация.

— В стране пока меняется ситуация только с системой потребления. Публика, привыкшая часто есть (утверждать, что хорошо есть, я бы не стал), болезненно воспринимает призывы есть поменьше, затягивать пояса и т. д. Для упорядочивания ситуации нужна новая государственная идентичность.

В одной из своих работ вы писали, что в России молчат профессиональные

сообщества, они не апеллируют к власти. Молчат, потому что испытывают страх?

— Из-за страха тоже. Но по секрету скажу, что профессиональные сообщества — это скорее статистическая группа, чем реальная. Ведь что это такое на самом деле? Это, к примеру, когда инженеры собираются по вечерам, пьют инженерные алкогольные напитки, едят инженерные котлеты и обсуждают инженерные темы, формируя таким образом сообщество и высказывая общее мнение по тем или иным вопросам. Запросов на создание профессиональных сообществ тоже нет. Мы ещё не изжили первичный, плотский индивидуализм. Тягу к единству нам обеспечивают телевизор и президент.

От глухого пессимизма меня спасает только одно — исторический опыт. Нигде в истории не было такого, чтобы общество преобразовалось за 5–10 лет.

Вот в 1917 году совершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию, провозвестницу всемирной социальной революции, в 1937-м провели перепись и обнаружили, что больше 50% людей верующие, и это после пятилетки безбожия, разгона попов и всеобщего ликбеза. Западногерманские социологи в 1966 году (до этого они просто боялись подходить к своим согражданам с такими вопросами) выяснили, что большинство людей старшего поколения испытывают ностальгию по временам Третьего рейха. Они говорили примерно так: «СС — это плохо, Гитлер — это плохо, потому что войну проиграл, зато молодёжь была нравственная, добродетельная, американские фильмы не смотрели, жвачку не жевали, никакой сексуальной революции не знали, работали и коллективно отдыхали». И ведь с тех пор прошло 20 лет, в течение которых во всех школах объясняли, что Гитлер — это плохо, Нюрнбергский договор — самый справедливый и прочее и прочее.

Крот истории, как учил Энгельс, роет хорошо, но очень медленно. Историю нельзя погонять. А вот мечтать о лучшем будущем можно и нужно. Тогда в конце концов оно придёт.

Ольга Дерягина